

В.А. Штаб

Кемеровский государственный университет

**Гоголевский тип героя в творчестве Л.Н. Толстого
(на материале произведения «Два гусара»)**

Аннотация: Статья посвящена анализу системы интертекстуальных отношений повести Л.Н. Толстого «Два гусара» и комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» как средству создания образа героя-мечтателя.

The paper analyses the system of inter-textual relations in the story by Leo Tolstoy «Two Hussars» and the comedy by Nikolai Gogol «The Inspector General» as a means of creating the character of a dreamer.

Ключевые слова: проблематика, сюжетный уровень, тема игры, мирское пространство, риторический дискурс, модель пути, прозрение, интертекстуальные отношения.

Problems, plot level, the theme of a game, secular space, rhetorical discourse, model of the way, insight, inter-textual relations.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3842) 582745. E-mail: vershtab@yandex.ru.

Как только молодой Толстой вступил в литературу, он, наряду с Достоевским, был объявлен новым Гоголем. Но если близость позиций Достоевского и Гоголя очевидна и связана, прежде всего, с темами маленького человека и Петербурга, то параллель Гоголь – Толстой обнаруживает больше различий, нежели сходства. Л.Н. Толстой о маленьком человеке не писал, а тема Петербурга в его творчестве не занимает такого значительного места. Но Гоголь обогатил литературу не только обозначенными образами. Как отметил Д. Мережковский: «Два главных героя Гоголя – вдохновенный мечтатель Хлестаков и положительный делец Чичиков – два современных русских лица, две ипостаси вечного и всемирного зла» [Мережковский, 2010, с. 145]. Именно эти типы нашли свое воплощение в произведениях Л.Н. Толстого. В данной статье мы рассмотрим, как трансформировался гоголевский образ «вдохновенного мечтателя» Хлестакова в творчестве Л.Н. Толстого на примере повести «Два гусара».

Интерес к комедии «Ревизор» Л.Н. Толстой проявлял на протяжении всей жизни. Подтверждение этому есть в дневниках писателя. «Современная русская драма, Гоголь в особенности, глубоко волновали и трогали меня» [Толстой, 1952, т. 35, с. 558] Подобные отзывы присутствуют даже в относительно ранних дневниковых записях Л.Н. Толстого. Столь пристальное внимание к «Ревизору» не могло быть случайным и должно было найти отражение в художественном произведении. Можно предположить, что образ Хлестакова взят Толстым за основу при создании образа Ильина в «Двух гусарах».

Одна из тем в «Ревизоре» и в «Двух гусарах» – тема игры. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Тема карт и карточной игры приобретает в конце XVIII – начале XIX в. черты универсальной модели, становясь центром мифообразования эпохи» [Лотман, 1992, с. 390]. И в том, и в другом случае игра становится причиной неза-

планированной задержки героев в незнакомом городе. Хлестаков говорит: «Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел – и все обобрал» [Гоголь, 1986, с. 142]. То же происходит и с Ильиным: «С того же вечера улан сел за игру и не только не ездил к знакомому помещику, но не спрашивал больше про лошадей и не выходил четыре дня из комнаты» [Толстой, 1952, т. 38, с. 49]. Игра становится для Ильина таким же мучительным соблазном, как и для Хлестакова: «Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?» [Гоголь, 1986, с. 145]. «Коли бы восьмерку я не снял, я бы отыгрался», – говорит Ильин [Толстой, 1952, т. 38, с. 50]. При этом партнер по игре превращается для Ильина в коварного демона (у Хлестакова – «бестия»), а город К. становится опасной ловушкой, где герой совершает преступление – растрчивает казенные деньги. Причем, внешне мир города К., куда временно попал Ильин, напоминает райское место – свобода, беззаботность, веселье. «Улан был рад пробыть во время выборов несколько дней в городе К. и надеялся тут на славу повеселиться» [Там же, с. 47]. В «Ревизоре» есть подобный пространственный образ. Это город N. По словам самого автора, это «сборное место всей темной стороны» [Гоголь, 1986, с. 137]. Как и в городе К., в городе N. есть необходимые государственные учреждения, кроме церкви, что превращает этот город в фантом. Вслед за М. Элиаде мы можем назвать такое пространство мирским. «Оппозиция «священное – мирское» часто представляется как противоположность реального и ирреального, или псевдореального» [Элиаде, 1994, с. 140]. Жизнь в таком пространстве – это иллюзия жизни. Выбирая ценности псевдореального мира, человек приходит к небытию, становится фантомом. Хлестаков и Ильин оказываются в равных условиях. Игра становится для каждого из них иллюзией бытия.

В финале произведений Хлестаков и Ильин покидают город. Их отъезд внешне похож. Но статусы героев разные. Ильину возвращают проигранные им казенные деньги, а вместе с ними – честное имя и возможность продолжать выбранный до игры реальный жизненный путь. Хлестаков получает не принадлежащие ему деньги (просит займы у чиновников города N). Получив деньги, Хлестаков получает возможность реализовать свои фантазии: «А хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить таким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились» [Гоголь, 1986, с. 144]. По мнению Д. Мережковского, «в Хлестакове, кроме реального человеческого лица, есть “призрак”, это фантазмагорическое лицо, которое, как лживый олицетворенный обман, унеслось вместе с тройкой Бог знает куда» [Мережковский, 2010, с. 145].

Хлестаков считает себя важной персоной. Основанием для такого мнения является петербургский костюм. Именно поэтому Хлестаков так дорожит им: «Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме» [Гоголь, 1986, с. 139]. Костюм делает его значительным лицом из Петербурга в глазах городничего и чиновников. В результате он выходит из этого города еще большим призраком. Ильин же, покинув город, возвращается в полк, осознав важную истину: не игра и кутеж являются залогом успешной военной службы. Таким образом, идентичные ситуации приводят героев к разным итогам. Почему так происходит?

Гоголь и Толстой акцентируют внимание читателей на детскости, инфантилизме большинства поступков своих героев. Подобно детям Ильин и Хлестаков мечтательны, они постоянно фантазируют, лгут, переводят жизнь в игру. Как отмечает Н.В. Гоголь в «Замечании для господ актеров»: Хлестаков «говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли» [Гоголь, 1986, с. 137]. Такие же качества, особенно невозможность остановиться на какой-нибудь мысли, мы видим у Ильина:

«Занять-то не у кого. Какой-то господин в медвежьей шубе проехал, будочник стоит. Что бы сделать такое необыкновенное? Выстрелить в них? Нет, скучно! Погубил я свою молодость. Ах, хомуты славные с набором висят. Вот бы на тройку сесть» [Толстой, 1952, т. 38, с. 150] Это не что иное как та «необыкновенная легкость в мыслях», о которой говорит Хлестаков.

В финальном поведении Ильина также можно усмотреть аналогию поведения Хлестакова: «Ильин только что кончил игру и, проиграв все деньги до копейки, вниз лицом лежал на диване из разорванной волосяной материи, один за одним выдергивая волосы, кладя их в рот, перекусывая и выплевывая. Он попробовал раз подумать о том, что ему теперь делать, как выехать без копейки денег, как заплатить пятнадцать тысяч проигранных казенных денег и снова начал припоминать себе все мельчайшие обстоятельства происходившей игры; он воображал, что уже отыгрывается и снимает девятку, кладет короля пик на две тысячи рублей, направо ложится дама, налево туз, направо король бубен, – и всё пропало; а ежели бы направо шестерка, а налево король бубен, тогда совсем бы отыгрался, поставил бы еще всё на пе и выиграл бы тысяч пятнадцать чистых, купил бы себе тогда иноходца у полкового командира, еще пару лошадей, фаэтон купил бы. Ну, что же еще потом? Да ну и славная, славная бы штука была!» [Толстой, 1952, т. 38, с. 150].

Отсутствие мыслей, раскаяния, непонимание проблемы, нежелание и неспособность ее решить характерны и для Хлестакова. Не случайно авторские замечания о Хлестакове содержат такую характеристику: «несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове» [Гоголь, 1986, с. 137]. Поведение провинившегося ребенка, который увлекся игрой и не смог вовремя остановиться, – отличительная черта данных персонажей. Только у ребенка с возрастом игра занимает в делах всё меньшее место, что и происходит с Ильиным, а у Хлестакова ничего подобного не случается. Таким образом, в «Двух гусаках» мотив детской инфантильности становится источником для обретения истинного пути, а в «Ревизоре» Хлестаков приобретает еще большую призрачность. Следовательно, Толстой в «Двух гусаках» использует ту же сюжетную схему, тот же тип героя, что и в «Ревизоре». Перед нами одно из проявлений зеркальности, характерной для творчества Л. Толстого. Как в зеркале право меняется на лево, так здесь ценностные координаты меняются на противоположные. Оба произведения завершаются исполнением желаний героев. Ильин хотел отыгаться и вернуть казенные деньги, а Хлестаков мечтал «подкатить этаким чертом», что у них и получилось. Вероятно, это связано с разными вариантами конфликтной ситуации, смоделированными в карточной игре. «Коммерческие игры моделируют такие конфликты, при которых интеллектуальное превосходство и большая информированность одного из партнеров обеспечивают успех. Азартная игра – модель борьбы человека с неизвестными Факторами. Здесь важен случай, удача и связь с ними личной судьбы и активности человека» [Лотман, 1992, с. 396]. В «Ревизоре» и в «Двух гусаках» речь идет об азартной игре. Хлестаков и Ильин неоднократно упоминают о штосе. Но для Ильина все решает случай, и поэтому его «демонического противника» может обыграть только тот, кто представляет некие «высшие» силы – Турбин. Хлестаков же, играя в азартные игры, ведет себя так, будто он вступил в противоборство не с неизвестными роковыми силами, а с равными противниками, и успех игры зависит лишь от избранной им тактики. «Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно...» [Гоголь, 1986, с. 144]. Своих противников по игре Хлестаков называет inferнальными сущностями: чертями, демонами, бестиями. Таким образом, Хлестаков подчеркивает и свою не совсем человеческую сущность, стремление стать чертом. Именно поэтому Ильин встречается с Турбиным, а Хлестаков успевает исчезнуть перед появлением настоящего ревизора. Такой прием, во-первых, усиливает ирреальность повествования. Во-вторых, настоящий реви-

зор и Турбин наделены функцией окончательной справедливости: они подводят итоги и способствуют дальнейшему изменению. Можно сказать, что Турбин – это тот образ (настоящий гусар), к которому стремится Ильин. А ненастоящий ревизор, Хлестаков, не стремится к тому началу, которое воплощено в истинном ревизоре, и избегает встречи с ним. В «Двух гусарах», как и в «Ревизоре» описывается ситуация жизненного выбора. Следовательно, несмотря на присутствие смеховой тональности, в произведениях представлена не анекдотичная ситуация, не острая социальная сатира, а пример, подтверждающий всеобщую закономерность нравственных постулатов.

Все приведенные соответствия не являются самоповторами. Их следует рассматривать как многоуровневую систему аллюзий и реминисценций, указывающих на глубинную связь «Ревизора» и «Двух гусар».

На уровне проблематики данные произведения объединяет идея выхода за пределы нравственных правил. Но в «Двух гусарах» нет философского осмысления проблемы, она слишком обобщена, упрощена и сведена к частному случаю. В «Ревизоре» же поставленные проблемы достигают предельного обобщения, что способствует переводу частного случая в сферу жизненно важных вопросов. История Ильина становится поучительной. Она дает надежду на благополучный исход. История Хлестакова безысходна. Как отмечал Д.С. Мережковский: «Растет за Хлестаковым исполинский призрак, тот, кому собственные страсти наши вечно служат, которого они поддерживают, как поскользнувшегося ревизора – чиновники, как великого сатану – мелкие черти» [Мережковский, 2010, с. 156].

Обращение Л.Н. Толстого к произведению Н.В. Гоголя было обусловлено концептуальными причинами. Оно расширяет семантическое наполнение образа, делает его более многогранным. Это уже не просто проигравшийся военный. В нем проявляются иные черты. Происходит обращение к христианской системе нравственных норм. Поэтому основной конфликт можно интерпретировать как конфликт между системами этических норм. Риторический дискурс придает конфликту дидактический характер.

«Два гусара» – одно из ранних произведений Л.Н. Толстого. В этом – особая ценность найденной параллели с гоголевским текстом. Мы видим, что уже на раннем этапе творчества Л.Н. Толстого намечается та универсальная модель человеческого пути, к которой писатель приходит в кризисный период и которую вслед за И.А. Юртаевой мы можем обозначить как «путь» – «прозрение» – «путь» [Юртаева, 2010, с. 59]. Одним из источников такой универсальной модели для Л.Н. Толстого становится Гоголь, чей путь осмысливался поздним писателем как «удивительное житие». Именно поэтому в центре «Двух гусар», как и в «Ревизоре» – испытание героя, необходимость этического выбора. Только Ильину удастся выйти из мира иллюзий и заблуждений, а Хлестаков прозрения избегает и становится фантомом.

Совпадения на проблематическом, тематическом, композиционном, предметно-образном уровнях произведения с комедией Н.В. Гоголя, по замыслу автора, должны иллюстрировать те незыблемые общедоступные нравственные выводы, к которым пришел он сам, и стать ясным для всех моральным ориентиром.

Литература

- Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 3.
Дружинин А.В. «Метель», «Два гусара». Повести графа Л.Н. Толстого // Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М., 1988.
Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х тт. Таллин, 1992. Т. II. С. 389–415.

- Мережковский Д.С. Гоголь и чорт. М., 2010.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., Л., 1952. Т. 38.
- Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М., 1994.
- Юртаева И.А. Жанровое своеобразие повестей Л.Н. Толстого 1880-90-х годов. Кемерово, 2010.